

ПЕРЕВОД В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ МИРОВИДЕНИИ

В.А. Иовенко

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

В статье исследуется понятие «национально-культурное мировидение» в преломлении к переводу, выявляются некоторые особенности национально-культурной картины мира носителей испанского языка, устанавливаются релевантные для двуязычной коммуникации типы расхождений между мировидениями испаноязычного и русскоязычного лингвоэтнических сообществ. Испанские тексты средств массовой информации, в отличие от аналогичных текстов на русском языке, насыщены особыми «экзотическими» лексическими единицами, яркими стилистическими оборотами, образными выражениями, синтаксическими конструкциями и текстовыми структурами, которые при их употреблении в звучащей или в письменной речи оказываются непривычными и неожиданными для носителей русского языка. Приводятся примеры одного из проявлений испанского мировидения, а именно: частое использование лексики, «чуждой» описываемой в исходном тексте предметной ситуации. Определяются способы преодоления национально-культурных различий при переводе общественно-политических текстов с испанского языка на русский. Сделан вывод о том, что дифференциал проявлений национально-культурных мировидений является ещё одним, одиннадцатым фактором адекватного перевода.

Ключевые слова: национально-культурное мировидение, языковая картина мира, перевод, испанский язык, медийные тексты, «чужеродная» лексика.

Перевод, будучи межъязыковым и межкультурным посредничеством, является уникальным средством лингвокультурной коммуникации с использованием, как минимум, двух языков, то есть такого общения, при котором происходит взаимодействие субъектов, принадлежащих к разным национальным культурам. Именно в переводе ярче всего проявляются особенности национально-культурных мировидений.

Термин *мировидение* (нем. *Weltansicht*) в его лингвофилософском осмыслении ввели в научный обиход ещё в начале XIX века выдающиеся немецкие философы и языковеды Фридрих Шеллинг и Вильгельм фон Гумбольдт. Для них особое мировидение народа, его духовное своеобразие и национальная психология существуют в тесной связи с самобытностью родного языка, который изначально фиксирует своеобразное видение мира.

Иными словами, различными способами восприятия мира и, соответственно, разными картинами мира мы обладаем, в известной степени, в зависимости от знания того или иного языка. «Каждый язык в его содержаниях, – утверждал В. фон Гумбольдт, – обладает собственной картиной мира, присущим ему космосом понятий и мыслительных форм. Язык не является просто средством общения, он выражение духа и мировидения говорящего» [9, 27].

Развивая эту мысль, В. Гумбольдт настаивал на том, что «всякий язык описывает вокруг нации, к которой он относится, круг, выйти за пределы коего он может лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Изучение чужого языка является приобретением новой точки зрения в имевшемся до того мировидении» [10, 16].

Перевод успешен и адекватен тогда, когда носители разных языков и культур не только осознают тот факт, что они являются «другими», но знают, понимают и толерантно воспринимаяют «чужеродность» партнёров по двуязычной коммуникации, национальное и культурное своеобразие их концептуальной и языковой картин мира.

Идеи о своеобразном преломлении в переводных текстах национально-культурных мировидений народов, вступающих в переводческие отношения, высказывались во второй половине прошлого столетия и в начале этого века в работах зарубеж-

ных и отечественных учёных: Ю. Найды, Ж. Мунэна, Л.К. Латышева, З.Д. Львовской, С.Г. Тер-Минасовой, А.Д. Швейцера.

Основу теоретических воззрений в сфере национально-культурных аспектов двуязычной коммуникации известного американского переводоведа Юджина Найды составляют наблюдения и выводы двух американских лингвистов и этнографов Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа, которые, в свою очередь, возникли на базе общетеоретических исследований Вильгельма фон Гумбольдта.

Научные взгляды Вильгельма фон Гумбольдта спустя столетия получили дальнейшее развитие в трудах его последователей в русле так называемого неогумбольдтианства, формирование которого связано, главным образом, с именем Иоганна Лео Вайсгербера. Квинтэссенцией неогумбольдтианской философии языка стал тезис об уникальности не только выразительных, но и содержательных ресурсов каждого языка, о наличии особенной «картины мира» как результата освоения действительности данным языковым сообществом в его уникальных условиях бытия.

Иоганн Лео Вайсгербер отстаивал крайнюю форму идиознания языков, то есть уникальности их понятийного строя, обусловленной уникальностью гносеологического опыта каждого языкового коллектива [10]. Данный подход отличает концепцию неогумбольдтианства от принципа относительности языков, известного как гипотеза Сепира–Уорфа. Эта последняя исходила, с одной стороны, из некоего «европейского понятийного стандарта», а с другой, – из того, что различие языков предполагает расхождение как логических категорий, так и характера мышления у людей, говорящих на этих языках.

Эдвард Сепир и Бенджамин Уорф утверждали, что логика Аристотеля отражает особенности греческого языка и что, если бы Аристотель был индейцем племени Дакота, его логика была бы совсем иной. А поскольку картины мира, создаваемые разными языками, не сводимы друг к другу, то содержание текста оригинала не может совпадать с содержанием текста перевода, и вся процедура перевода, по мнению Э. Сепира и Б. Уорфа, оказывается фикцией [11].

Юджин Найда, который опирался в своих научных исследованиях на результаты гипотезы Сепира–Уорфа, указывал

на реальные трудности перевода, связанные с особенностями природы, материальной культуры, религии. Как перевести слово «пустыня», задавался вопросом Ю. Найда, на язык племени, живущего в гуще тропического леса? Что может означать фраза «городские ворота» для кочевников, никогда не видевших ни города, ни ворот? Как переводить специфические религиозные термины на язык народа, незнакомого с теологическими понятиями и ритуалом? Таким образом, различия цивилизаций и собственно языковые различия создают серьёзную преграду для полноценного перевода [15].

Особенность переводоведческой школы Юджина Найды, ориентированной на переводы Библии, обусловила акцент сторонников этой школы на культурно-этнических аспектах перевода и, как следствие, на необходимости существенной национально-культурной адаптации текста при переводе. Так, поскольку жители тропиков никогда не видели снега, выражение «белый как снег» предлагается переводить на их язык – «белый как перо цапли». Если Христос говорит о себе как о «хлебе жизни», то при переводе на язык мексиканских индейцев, для которых главной пищей служит не хлеб, а кукурузная лепёшка, допустимо использовать испанское слово *tortilla*.

Требование существенной адаптации гипертрофирует культурно-этнические различия между народами и недооценивает способность человека усваивать элементы чуждой ему культуры, понимать, что другие народы могут иметь иные обычаи, жить в других условиях. Следует, однако, отметить, что сам Юджин Найда в дальнейшем отошёл от этих крайностей и объяснял культурные реалии в переводных текстах с помощью ссылок и примечаний [4, 55-56].

В концепции французского теоретика перевода Жоржа Мунэна существенные культурно-этнические особенности, находящие отражение в переводимых текстах, такие как обычаи, ассоциации, реалии, отражают не только различия в картинах мира, но и тот факт, что сами миры оказываются разными [15, 35-37]. В то же время различные языковые картины мира и множественность культур не становятся непреодолимой преградой для переводчиков. Конечно, каждый язык по-разному «членит» окружающую действительность и, например, именно поэтому многочисленные названия раз-

новидностей снега у эскимосов не находят соответствий в языках других народов.

Однако, во-первых, аналогичные различия в «членении» действительности обнаруживаются и в пределах одного и того же языка. Во-вторых, в языках есть универсалии, отражающие общность восприятия мира и психической организации у всех народов. И, наконец, в-третьих, в современном мире наблюдается дальнейшее сближение культур, о чём свидетельствует определённая конвергенция языков. Всё это облегчает переводчику преодолевать различия в языковых картинах мира в процессе выполнения им перевода.

Российский испанист и теоретик перевода Зинаида Давидовна Львовская отмечала, что, несмотря на единство законов логики и познания мира, различные народы обладают определённым специфическим «видением» мира, по-разному отражают в языке окружающую их действительность, и сама она может не полностью совпадать для разных народов [6, 23].

Национальное своеобразие различных языков объясняется тем, что язык каждого народа формируется в процессе познавательной деятельности этого народа. «Картина мира» создаётся познанием, а не языком. Язык складывается и изменяется под влиянием как внутренних (системных), так и внешних (экстралингвистических) факторов. Национальная специфика разных языков заключается в том, что они могут описывать один и тот же предмет, одно и то же явление реальной действительности по-разному, через разные признаки, выделяя какой-то один из них [6, 24].

В своей последней работе З.Д. Львовская ввела в научный обиход понятие *культурной интертекстуальности*, в котором фиксировались межкультурный характер перевода, культурные референции и экспликации пресуппозитивных знаний. Культурная интертекстуальность в её когнитивном аспекте (несовпадение знаний, релевантных для данной ситуации) или в том, что касается норм речевого поведения, превращается в основание для изменений семантической структуры переводного текста относительно исходного текста. Эти изменения должны обеспечить адекватность перевода и его соответствие новой ситуации, то есть приемлемость текста перевода в принимающей культуре [7, 82-92, 188-194].

Александр Давидович Швейцер, автор многочисленных научных трудов по теории перевода и переводчик-синхронист, определял в качестве важной задачи переводчиков «преодоление навязываемых своим языком способов восприятия мира и овладение приёмами иноязычной интерпретации мира» [13, 166]. Говоря о внеязыковых факторах в переводе, автор имел в виду две культуры, две предметные ситуации и две коммуникативные ситуации. Придавая особое значение способам перевода реалий как проявлениям национального колорита, А.Д. Швейцер отмечал специфику реалий, которая заключается в том, что они часто находятся вне фонда знаний носителей другой культуры и другого языка [14, 52-56, 153-160].

Лев Константинович Латышев в разработанной им на материале немецко-русских переводов модели перевода использовал понятия *национально-обусловленное мировосприятие* и *преинформационные запасы* носителей исходного языка и носителей переводящего языка. Расхождения преинформационных запасов составляют один из факторов *лингвоэтнического барьера*, то есть экстралингвистических знаний, которые используются при восприятии и интерпретации текстов [5, 84-86].

По мнению Светланы Григорьевны Тер-Минасовой, самым главным в работе переводчика является жизнь на стыке двух культур. Мы видим мир по-разному, и разные языки отразили это разное видение. У каждого народа свой взгляд на мир, своё «воззрение» на него и своя картина мира, навязанная родным языком. Вырваться из плена родного языка невозможно, но можно увидеть мир по-новому, изучая иностранные языки [12, 65].

Таким образом, переводческое измерение национально-культурных мировидений базируется на утверждении о том, что взгляды разных народов на мир и их коллективные мировоззрения различны, так же как и различны картины мира, созданные, в частности, не без активного участия разных языков.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением С.Г. Тер-Минасовой, согласно которому мы видим и оцениваем реальность по-разному, в зависимости от культуры и языка. И родной язык играет здесь решающую роль, навязывая нам восприятие мира, которое исторически сложилось под влиянием разных

факторов [12, 67]. Тем более важными представляются знания культуры партнёров по межъязыковому посредничеству, их традиций и норм поведения, системы ценностей, национального характера, национальной психологии и особых способов восприятия мира.

В этом смысле можно утверждать, что существует испанская модель мировидения, равно как и русская модель мировидения, а также испанская языковая картина мира и русская языковая картина мира. Они находят выражение не столько в языковых единицах, прежде всего лексико-семантической сферы, сколько в речевых произведениях на этих языках.

Например, носители русского языка и русской культуры могут увидеть испанский образ мира как бы глазами испанцев, но для этого русским необходимо «обрести» добавочное зрение и переступить порог их речевого и языкового сознания [1, 45], поскольку с каждой национальной картиной мира связан свой собственный способ мировидения, одним из источников которого выступает специфика национального характера и его черты¹.

Как не вспомнить в этой связи высказывание известного испанского философа Мигеля Унамуно: «Пока народ будет говорить по-испански, он также будет думать и чувствовать по-испански» (*“Mientras un pueblo hable español, sentirá y pensará en español también”*) [18, 108].

Не менее красноречивым в этом отношении представляется высказывание выдающегося русского лингвиста Александра Александровича Потебни: «Человек, говорящий на двух языках, переходя от одного языка к другому, изменяет с тем и характер, и направление течения своей мысли, притом так, что усилие его воли лишь изменяет колею его мысли, а на дальнейшее течение её влияние лишь посредственно» [9, 168].

Идиоматичное владение иностранным языком и оптимальный перевод предполагают не только преодоление «навязываемых» родным языком и речью способов восприятия действительности, но и овладение приёмами иноязычной интерпретации окружающего мира [13, 166].

---

¹ «Главное, – утверждал Хосе Ортега-и-Гассет, – чтобы при переводе мы стремились выйти за пределы своего языка и приблизиться к другим языкам, а не наоборот, как это обычно делается» [17, 142].

Переводчик должен уметь преодолевать понятийные стереотипы исходного языка, чтобы «оказаться» в языковой картине мира переводящего языка. Например, в русском и испанском языках не совпадают представления об одной и той же ситуации, связанной с началом разговора по телефону («Да, я слушаю!», «Алло!» и ¡Al aparato!, ¡Bueno!) или с командой часового на посту и ответом на эту команду другого военнослужащего («Стой, кто идём?» – «Своу!» и ¡Alto! ¿Quién vive? – ¡Amigos!).

Расхождения языковых картин мира могут касаться вербальных способов и форм отношения к миру, свойственных носителям того или иного языка. Речь идёт о переводах, особенно с восточных языков, текстов с имплицитным подтекстом (косвенным смыслом), непривычных по форме и содержанию для членов иной лингвоэтнической общности. Характерными в этом отношении являются воспоминания Никиты Сергеевича Хрущёва о его встречах с Мао Цзэдуном: «Я никогда не был абсолютно уверен в том, что понимаю подлинные его мысли. Тогда я подумал, что это, должно быть, объясняется какими-то особыми чертами характера китайцев и китайским образом мышления. Одни заявления Мао поражали меня своим упрощенчеством, а другие – чрезмерной сложностью»².

Иными словами, национально-культурные особенности мышления у разных этносов могут обусловить различную оценку разными языковыми коллективами даже сходных ситуаций действительности. Поэтому существующие в каждом языке на стыке когнитивных, языковых, речевых и социокультурных структур речемыслительной деятельности особенности национального восприятия и речевой номинации формируют национально-психологический, или этноречевой, компонент речевой коммуникации.

Этноречевая линия детерминации переводческих решений срабатывает чаще всего при переводе художественных и публицистических текстов и порой имеет весьма высокую степень актуализации.

Возможно, именно этот феномен выступает в качестве основного довода противников принципиальной возможно-

---

² Комсомольская правда. 15.05.1991.

сти переводческой деятельности. Напомним, что «вечная» для переводоведения проблема переводимости/непереводимости будоражит умы учёных на протяжении несколько столетий. Так, ещё в начале XVII века великий испанский писатель Мигель Сервантес Сааведра устами своего знаменитого героя Дон Кихота выражал сомнения в том, что возможен перевод «хороший» или, как бы мы сказали сейчас, адекватный перевод:

«Однако ж, со всем тем я держусь того мнения, что перевод с одного языка на другой, если только это не перевод с языка греческого или же с латинского, каковые суть цари всех языков, – это всё равно, что фламандский ковёр с изнанки: фигуры, правда, видны, но обилие нитей делает их менее явственными, и нет той гладкости, и нет тех красок, которыми мы любимся на лицевой стороне...»³.

Аналогичную мысль спустя 200 лет, в 1796 году, высказал Вильгельм фон Гумбольдт: «Всякий перевод представляется мне безусловной попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счёт вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счёт своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только труднодостижимо, но и просто невозможно» [8, 138]. Таким образом, В. фон Гумбольдт полагал, что возможен перевод или буквальный, или вольный, а третьего не дано.

Впрочем, сам В. фон Гумбольдт много лет работал над переводом «Агамемнона» Эсхила и в предисловии к своему переводу убедительно показал пути преодоления многих, казалось бы, непреодолимых трудностей.

Впрочем, дискуссия о переводимости/непереводимости не завела учёных в тупик. Реалистические идеи относительно возможности полноценного перевода прокладывали себе дорогу, несмотря на этот спор и даже вопреки ему. Кстати, сам Мигель Сервантес отнюдь не исключал возможности создания «хорошего» перевода. Не это ли имел в виду Дон Кихот, говоря о двух переводах, «столь счастливо исполненных...

³ Мигель Сервантес Сааведра. Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский. В 2 ч. Ч. 2. / пер. с исп. Н.М. Любимова/. – М.: Правда, 1978. С. 501.

что невольно задаёшься вопросом, где же тут перевод и где подлинник»?⁴

Таким образом, в качестве неперемного условия достижения адекватного перевода выступает профессиональное умение опытных переводчиков преодолевать понятийные стереотипы и национально-культурные традиции коммуникации на исходном языке для того, чтобы «оказаться» в языковой картине мира носителей переводящего языка. Переводные тексты, в которых не учтены национально-культурные особенности речевой коммуникации на переводящем языке, воспринимаются его получателями не вполне естественными и не могут рассматриваться как полностью адекватные.

Различия в проявлениях национально-культурных мировидений членов различных лингвоэтнических общностей формируют национально-культурный дифференциал, который подлежит нейтрализации в коммуникативной деятельности переводчика.

Остановимся лишь на одном проявлении испанского национально-культурного мировидения в медийных текстах, что оказывается релевантным для перевода, а именно: насыщенность этих текстов лексикой, употребление которой во многих случаях связано с особыми лингвокультурными традициями испаноговорящего сообщества, что непривычно для русских читателей и слушателей.

Речь идёт о разножанровой и неожиданной лексике (если говорить о речевых традициях и ожиданиях членов иной лингвокультурной общности), которая используется журналистами, пишущими на испанском языке, в коннотативно-нейтральных ситуациях либо в текстах, где описываются события повышенной общественной значимости. Подобная «обычная» или не совсем «обычная» (для обладателей иного национально-культурного мировидения) лексика заимствуется авторами испаноязычных медийных текстов из предметно-тематических и жанровых сфер, не относящихся к описываемым в конкретных текстах политическим, экономическим и иным событиям. Такими гетерогенными сферами для нейтрального контекста могут стать медицина, спорт, явления природы, физика, архи-

---

⁴ Мигель Сервантес Сааведра. Там же.

текстура, военное дело и некоторые другие области человеческой деятельности.

В масштабе связанного законченного текста⁵ (например, информационной или аналитической статьи), в зависимости от важности контента и личных предпочтений автора, «чужеродная» лексика может появиться один или нескольких раз, то есть в одном или в нескольких местах текста.

Семантический диссонанс, возникающий на контрасте «нейтрального» смысла и коннотативно окрашенной разножанровой лексики, фиксирует в испанских текстах одну из наиболее ярких манифестаций испанского национально-культурного мировидения.

Следствием невозможности использования в переводном тексте аналогичных по своему предметно-тематическому и жанрово-стилистическому статусу русских эквивалентов для «неприемлемых» (с точки зрения носителей русского языка) испанских слов и выражений и способом преодоления возникающего диссонанса становятся вокабулярные адаптации в форме лексических добавлений и/или лексических замен в тексте перевода. Указанные модификации позволяют обеспечить более «сдержанный» по умолчанию лексический стандарт русского медийного пространства.

При лексических заменах вместо необычных испанских слов или выражений используются русские лексические обороты, которые более уместны в подобных случаях в информационно-публицистических текстах на русском языке. К тому же такая лексика отвечает речевым предпочтениям пользователей русского политического дискурса:

El Secretario General de la ONU también instó al Consejo de Seguridad a prorrogar otros seis meses (букв.: «другие шесть месяцев») el mandato de los dos centenares de cascos azules desplegados en la antigua colonia española, porque si se retira,

---

⁵ Связный законченный текст есть «целостная коммуникативная единица, некоторая система коммуникативных элементов, функционально (то есть для данной конкретной цели /целей/ объединённых в единую замкнутую иерархическую семантико-смысловую структуру общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией)» [2, 49]. Несмотря на известную временную удалённость этой дефиниции, она остаётся, по нашему убеждению, одним из лучших определений текста.

hay un riesgo de que se reanuden las hostilidades. – Генеральный секретарь ООН обратился с просьбой к Совету Безопасности продлить **ещё на шесть месяцев** мандат двухсот миротворческих «голубых касок», развёрнутых в бывшей испанской колонии, поскольку в случае их вывода существует опасность возобновления военных действий.

Приём лексического добавления заключается в том, что в переводной текст вводится дополнительное слово или целое словосочетание, что придаёт русскому переводному тексту необходимую прагматическую и стилистическую корректность. Порой переводчик комбинирует лексическое добавление с лексической заменой:

*La cumbre iberoamericana esta semana **ha cumplido diecisiete ediciones anuales ininterrumpidas*** (букв.: «...исполнилось семнадцать ежегодных непрерывных изданий»). — *На этой неделе состоялась семнадцатая ежегодная иберо-американская встреча в верхах, которая ни разу не отменялась за эти годы.*

Нельзя не обратить внимания на лаконичность и, вместе с тем, семантическую ёмкость этой испанской фразы.

В приведённых примерах переводчик осуществил модификации, объектом которых являлась «обычная» лексика (*otros, ediciones ininterrumpidas*). Тем не менее, даже такие обычные лексемы, помещённые в необычный речевой контекст, заставляют переводчика произвести модификации, причина которых таится в возникающем дифференциале национально-культурных мировидений двух языковых сообществ.

Ситуация усложняется в тех случаях, когда в испанском тексте появляется лексика, тематически «чужеродная» описываемой предметной ситуации, иными словами, лексика, место которой – в иных тематических и жанровых сферах:

*El buque español Galicia aún lleva a bordo a cuatro piratas detenidos el pasado día 24, a la espera de que Kenia, que alega que **su sistema judicial está colapsado*** (букв.: «её правоохранительная система переживает коллапс»), *responda si los acepta.* – *На борту испанского корабля «Галисия» всё ещё находятся четыре пирата, задержанных 24-го числа. Испанские моряки ждут, когда Кения, которая ссылается на дезорганизацию своей правоохранительной системы, согласится принять их.*

Медицинский термин *colapso* придаёт испанскому информативному тексту особую метафоричность и создаёт яркий образ. Вряд ли можно представить себе, что при описании аналогичной ситуации на русском языке в тексте появится слово «*коллапс*».

Медицинские термины, обозначающие тяжёлые, порой опасные для жизни человека заболевания, находят всё более широкое распространение на страницах испанских средств массовой информации в рамках политического, экономического, юридического дискурсов. Медицинские термины используются испанскими журналистами при описании, как правило, сложных явлений общественной жизни. Следовательно, терминологическая «чужеродность», приводящая к семантическому диссонансу, выполняет важную стилистическую функцию, направленную на усиление экспрессии и привлечение внимания читателей к экстраординарным явлениям и событиям.

Экспрессия и эмоциональность, которые позволяют языку и речи выполнять наряду с информативной функцией функцию воздействия, основаны на отклонениях от норм языка и норм речи. Для медийной сферы, где функция воздействия во многих случаях преобладает, языковые и речевые нормы востребованы также и для того, чтобы их можно было нарушать, обыгрывать, создавать неожиданные коннотации, яркие стилистические приёмы, новые оттенки значений.

Испанские журналисты обращаются и к *военной терминологии*, помещая её в такие контексты, в которых отнюдь не всегда описываются реальные боевые действия. Неожиданное с точки зрения русскоязычных получателей появление военной лексики в «миролюбивом» дискурсе, по-видимому, отвечает ожиданиям испаноязычной аудитории, создаёт необходимый коммуникативный эффект и придаёт повествованию повышенную эмоциональность.

*Su audacia y el éxito del rescate le permitieron ascender en los sondeos y **catapultaron** (букв.: «катапультировали») al ministro Golborne como un posible candidato de la derecha a las elecciones presidenciales de 2017. – Его смелость и успех спасательной операции повысили его рейтинг в опросах общественного мнения и **привели к выдвижению** министра Голборна*

в качестве возможного кандидата правых на президентских выборах 2017 года.

Употребление не самого «политкорректного» глагола *catapultar* в контексте упоминания о высокопоставленных политических деятелях иллюстрирует языковую толерантность испанского мировидения.

С известной лёгкостью испанские авторы вводят в медийные тексты лексику темпоральной семантики, которая восходит к латинским корням и используется в событийном значении при описании учебного процесса (*semestre* ← *sestris* [*ssex+mensis*] *шестимесячный*):

Normalmente, la Unión Europea y Rusia celebran una sesión cada semestre (букв.: «семестр»), *pero nunca como en esta cumbre informal de los 28 se había trasladado el protagonismo al invitado extraordinario, el presidente ruso, al que la presidencia finlandesa ha dado una relevancia inédita* – Обычно Европейский союз и Россия проводят заседание каждые **полгода**, однако никогда раньше, как на этой неформальной встрече на высшем уровне 28 стран, не отводилась главная роль особому гостю – Президенту России, которому Финляндия на правах страны, председательствующей в ЕС, придала невиданную значимость.

Не менее удивительным для нас, носителей русского языка, оказывается появление в коннотативно «нейтральном» испанском политическом дискурсе зоологических терминов:

La crisis de credibilidad del Gobierno de Alain Juppé no beneficia, sin embargo, a la oposición socialista, que continúa su prolongada hibernación (букв.: «зимняя спячка»), *en busca de una identidad ideológica perdida durante el doble septenio de François Mitterand*. – Кризис доверия правительства Алана Жюппе не идёт, однако, на пользу социалистической оппозиции, которая продолжает пребывать в **политическом оцепенении** в поисках идеологической идентичности, утраченной во время двух семилетних сроков в качестве главы государства Франсуа Миттерана.

Подведём итоги. Испанское национально-культурное мировидение в его переводческом измерении в значительной степени обуславливает коммуникативную деятельность переводчиков по выбору вариантов адекватного перевода и приня-

тию ими оптимальных решений на осуществление перевода. Процесс перевода объективно опосредован несовпадающими проявлениями национально-культурных мировидений лингвоэтнических общностей, вступающих в переводческое посредничество, а также необходимостью учёта указанных различий при создании переводных текстов.

Дифференциал национально-культурных мировидений народов является важным самостоятельным и полноценным фактором адекватного перевода. Этот дифференциал дополняет в качестве ещё одного, одиннадцатого фактора, систему факторов, которая разработана в последнее двадцатилетие XX века и включает, помимо концептуальных, языковых, культурологических, текстовых, прагматических и конситуативных факторов [3, 27-32], также и национально-культурные мировидения различных лингвоэтнических сообществ.

Список литературы

1. Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Academia, 1988. 430 с.
2. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980. 224 с.
3. Иовенко В.А. Теоретический курс перевода. Испанский язык. М.: ЧеРо, 2005. 132 с.
4. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М.: ЧеРо, 1999. 134 с.
5. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. 160 с.
6. Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода. М.: Высшая школа, 1985. 230 с.
7. Львовская З.Д. Современные проблемы перевода /пер. с испанского В.А. Иовенко/. М.: URSS, 2007. 220 с.
8. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе: история и теория с древнейших времён до наших дней. М.: Флинта, 2006. 413 с.
9. Радченко О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: КомКнига, 2006. 312 с.
10. Радченко О.А. Speculum vitae: от функциональной грамматики к идиоэтнической философии языка. М.: Тезаурус, 2012. 168 с.
11. Сепир У. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
12. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. – 434 с.

13. Швейцер А.Д. Контрастивная лингвистика и теория перевода // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М.: Наука, 1987. С. 157-167.
14. Швейцер А.Д. Теория перевода. М.: Наука, 1988. 215 с.
15. Mounin G. Linguistique et traduction. Bruxelles: Dessart et Mardaga, 1976. 276 p.
16. Nida E. Toward a Science of Translating. Leiden: Brill, 1964. 331 p.
17. Ortega y Gasset J. Miseria y esplendor de la traducción // Ortega y Gasset J. El libro de las misiones. Madrid: Espasa-Calpe, 1965. P. 125-162.
18. Unamuno M. Por tierras de Portugal y de España. Madrid: Gredos, 1976. 188 p.

Об авторе

Иовенко Валерий Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой испанского языка МГИМО МИД России. Область научных интересов – переводоведение, испанистика.
E-mail: viovenko@rambler.ru.

TRANSLATION IN NATIONAL WORLDVIEW

V. Iovenko

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This article analyses the concept “national and cultural worldview” in the size of bilingual communication, examines peculiarities in mass media texts translation. The article establishes important types of divergences between Spanish and Russian worldviews which are relevant for translation: abundance in Spanish mass media texts of specific and “exotic” national idiomatic units, bright stylistic locutions, figurative expressions, syntactic constructions, text structures which, when used in oral and written speech sound weird and unexpected for Russian native speakers. Spaniards often use the words from different spheres of life (sports, medicine, warfare) in political communicative situations. The article gives examples from Spanish-Russian translations and proposes ways to overcome divergences in the context of the Spanish worldview. The author makes conclusion that the national and cultural distinctions are the eleventh important factor of the adequate translation.*

Key Words: national and cultural worldview, Spanish, mass media texts, translation/interpretation, allogenic words.

References

1. Gachev G. Natsional'nye obrazy mira [National images of the world]. Moscow, Academia Publ., 1998. 430 p.
2. Dridze T.M. Yazik i sotsial'naya psihologiya [Language and social psychology]. Moscow, Vishaya shkola Publ., 1980. 224 p.
3. Iovenko V.A. Teoreticheskii kurs perevoda. Ispanskii iazyk [Theory of translation. Spanish Language]. Moscow, CHeRo Publ., 2005. 132 p.
4. Komissarov V.N. Obschaya teoria perevoda: problemi perevodovedeniya v osveschenii zarubezhnykh uchenykh [General theory of translation: problems of science of Translation viewed by foreign scholars]. Moscow, CHeRo Publ., 1999. 134 p.
5. Latishev L.K. Perevod: problemi teorii, praktiki i metodiki prepodavaniya [Translation: problems of theory, practice and methodology of teaching]. Moscow: Prosveschenie Publ., 1988. 160 p.
6. Lvovskaya Z.D. Teoreticheskie problemi perevoda [Theoretical problems of translation]. Moscow: Visshaya shkola Publ., 1985. 230 p.
7. Lvovskaya Z.D. Sovremennye problemi perevoda [Current problems of translation] /translated from Spanish by V.A. Iovenko/ Moscow: URSS Publ., 2007. 220 p.
8. Neliubin L.L., Khukhuni G.T. Nauka o perevode: istoriya i teoriya s drevneishikh vremion do nachih dnei [Science of translation: history and theory from ancient times to our days]. Moscow: Flinta Publ., 2006. 413 p.
9. Radchenko O.A. Iazyk kak mirosozidanie. Lingvofilosofskaya kontseptsiya neogumbol'dtiansstva [Language as a world creation. Linguistics and philosophic conception of neohumboldtianism]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 312 p.
10. Radchenko O.A. Speculum vitae: ot funktsional'noi grammatiki k idioetnicheskoi filosofii iazyka [Speculum vitae: From functional grammar to idioethnic philosophy of language]. Moscow, Tezaurus Publ., 2012. 168 c.
11. Sapir Y. Izbrannie trudi po yazykoznaniiu i kulturologii [Selected works on Linguistics and Culturology]. Moscow: Progress Publ., 1993. 656 p.
12. Ter-Minasova S.G. Voina i mir iazykov i kul'tur [War and Peace of languages and cultures]. Moscow, Slovo Publ., 2008. 344 p.
13. Shveitzer A.D. Kontrastivnaya lingvistika i teoriya perevoda // Sopotavitel'naya lingvistika i obuchenie nerodnomu yaziku [Contrastive linguistic and the theory of translation // Comparative linguistics and non-native language teaching]. Moscow, Nauka Publ., 1987. P. 157-167.
14. Shveitzer A.D. Teoriya perevoda [Theory of Translation]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 215 p.
15. Mounin G. Linguistique et traduction. Bruxelles: Dessart et Mardaga, 1976. 276 p.
16. Nida E. Toward a Science of Translating. Leiden: Brill, 1964. 331 p.
17. Ortega y Gasset J. Miseria y esplendor de la traducción // Ortega y Gasset J. El libro de las misiones. Madrid: Espasa-Calpe, 1965. P. 125-162.
18. Unamuno M. Por tierras de Portugal y de España. Madrid: Gredos, 1976. 188 p.

About the author

Valery A. Iovenko – Professor, Head of Spanish Department, MGIMO-University. E-mail: vioenko@rambler.ru.

Spheres of scientific interests: theory of translation, Spanish studies.

* * *